

План был достаточно прост, хотя и предполагал противостояние боли и общей слабости организма. Однако другого выхода не было - по крайней мере, такого, на который Гарри был бы готов пойти. По его мнению, небольшая боль стоила того, чтобы избежать ненужного риска, а оставаться здесь и рисковать быть отправленным в больницу Святого Мунго было абсолютным определением ненужного риска в его понимании.

"Ты не можешь просто сбежать", - запротестовал Джеймс, следя за перемещениями Гарри по комнате острыми карими глазами с того места, где он стоял, прислонившись к краю письменного стола своего сына и сложив руки на груди.

"Я понимаю, что ты не доверяешь мне, Джеймс, и у тебя есть все основания не доверять. Я для тебя чужой, и ты для меня чужой", - сказал Гарри, добавляя в рюкзак, который он собирал, пару вельветовых брюк цвета ириски из гардероба своего коллеги. "Однако ты должен доверять мне. Они попытаются сломить вашу решимость. Когда это не сработает, они начнут действовать за вашей спиной, чтобы сделать то, что, по их мнению, лучше для вашего сына. Я видел это по их глазам. Каждый из них настроен на то, чтобы отправить меня в больницу Святого Мунго. Единственное, чего вы добьетесь, отправившись туда и пытаясь убедить их в правде, - это вызовете ненужные раздоры между вами и ними".

"Ты нездоров", - снова возразил Джеймс, на что тот пытался возразить последние пятнадцать минут.

"Я пережил и худшее". Гарри посмотрел через плечо на мужчину. "Я сражался и пережил войну. Немного боли и несколько дней в одиночестве, пока я разберусь с этим, - ничто по сравнению со всем тем, что я пережил. Может, я и не совсем здоров, но для этого мне хватит здоровья. Обещаю".

"Я должен пойти с тобой", - в третий раз предложил Джеймс.

Гарри покачал головой и вернулся к сборам. "Ты сам сказал, что у тебя нет ключа к часам, защищающим Гриммаулд Плейс".

"Должен ли я считать тревожным тот факт, что ты имеешь такой ключ и, судя по всему, хорошо знаком с Черной библиотекой?" спросил Джеймс, его глаза сузились, а брови напряглись от смущения.

"Если бы я был вашим сыном и воспитывался так, как должен воспитываться Поттер, то да, наверное, стоит". Гарри бросил на него сардонический взгляд. "Но поскольку я не ваш сын и воспитывался, почти ничего не зная о своем наследии, а большую часть жизни прожил во враждебном окружении, вы должны быть просто счастливы, что я оказался таким, каким оказался".

Между Гарри и Джеймсом воцарилось молчание, пока Гарри заканчивал укладывать в рюкзак смену одежды и переходил к упаковке нескольких других предметов, которые, по его мнению, могли ему пригодиться.

"Ты уверен, что защитные механизмы распознают, что ты подключился к ним в своем мире? с сомнением спросил Джеймс, отступая в сторону, чтобы дать Гарри доступ к столу.

"Вы не слишком много знаете о природе магии в отношении души, не так ли?" спросил Гарри, открывая левый ящик и доставая оттуда неиспользованный журнал в кожаном переплете, который он нашел раньше. Из одного из верхних отделений стола он достал запечатанный горшочек с чернилами и несколько свежих перьев.

"Нет, не знаю", - признался Джеймс, его ореховые глаза продолжали следить за каждым движением Гарри.

Гарри хмыкнул и начал рыться в заднем, правом ящике стола, ища мел, который он нашел во время предыдущего поиска. "У меня нет времени подробно объяснять связь между магией и душой или связь между воспоминаниями, магией и душой. Все это очень сложно, и корреляции зависимостей получаются несколько запутанными. Но суть в том, что куда бы ни отправилась душа, магия и воспоминания следуют за ней... до некоторой степени. В конце концов, создание крестража разделяет душу, которая разделяет воспоминания и магию... и, в общем, все становится довольно сложным, особенно если человек создает больше одного крестража. Если отдать слишком много воспоминаний или слишком много своей врожденной магии... результаты..."

"Ого! Подожди минутку", - прервал Джеймс тираду Гарри. На лице мужчины отразился ужас. "Крестраж? Разделить душу? О чем, во имя Мерлина, ты говоришь?"

Гарри застыл на месте, моргнул, посмотрел на Джеймса и снова моргнул. Он настолько привык к тому, что окружающие знают, что такое хоркрукс и что Волдеморт, в частности, создал семь этих проклятых штук, что даже не подумал о цензуре. Будь оно всё проклято! раздражённо подумал он, вспомнив из-за своего невежества, что в этой временной шкале мир ещё не столкнулся со вторым приходом Волдеморта к власти. Хотя, если события вокруг предстоящего Тривизардного турнира в этом мире будут похожи на те, что произошли вокруг Тривизардного турнира в его мире, Джеймс и остальные очень скоро вновь столкнутся с бессмертным Темным Лордом.

"Ну что?" нетерпеливо спросил Джеймс.

"Мы действительно должны сделать это прямо сейчас?" с таким же нетерпением спросил Гарри. Сейчас у него не было времени обсуждать, насколько развращен Волдеморт, и если у него не было времени, то и у Джеймса его не было, даже если бы долгая дискуссия о хоркруксах Волдеморта в конечном итоге оказалась полезной для будущего этого мира. Как бы то ни было, ему нужно было уходить, пока кто-нибудь не пришел их проводить. "Мы и так уже не справляемся". Каждая секунда, проведенная здесь, делала его еще на одну секунду ближе к открытию.

В глазах Джеймса разгорался конфликт: он боролся с самим собой между тем, чтобы продолжить разговор и позволить Гарри заняться упаковкой вещей, что в конечном итоге способствовало бы скорейшему возвращению его настоящего сына. "То, о чем ты говорил..." Джеймс запнулся. "Портъе, откуда ты все это знаешь? Почему ты это знаешь?"

"Война", - прямо заявил Гарри, как будто эти два слова отвечали на все вопросы. По его мнению, так оно и было. Война с Волдемортом была его жизнью, повлияла на все аспекты его развития как человека. Мало что, если вообще что-то происходило в жизни, не было связано с этими двумя словами.